

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

МАРТЪ, 1901.

ПРИЗНАНІЯ ЭМИРА АФГАНСКАГО.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ нѣсколькихъ лѣтъ нашъ сосѣдъ, эмиръ Афганскій, жестоко страдающій ревматизмомъ, пользовался медицинской помощью женщины-врача, миссъ Лиліанъ Гамильтонъ. Въ свое время слухи о дѣятельности этого лейбъ-медика въ юбкѣ вызывали далеко недвусмысленные комментаріи, но мы не будемъ останавливаться на томъ, какъ эта предприимчивая миссъ проникла и устроилась при дворѣ Абдурахмана-хана и какимъ вліяніемъ вмѣстѣ съ другомъ ея, сперва мистеромъ, а потомъ сэромъ ¹⁾ Сольтеромъ Пайномъ пользовалась она въ Кабулѣ. Скажемъ лишь, что въ 1897 году миссъ Гамильтонъ, вѣроятно, стосковавшись по родинѣ, рѣшила оставить своего вѣнценоснаго паціента и въ числѣ различныхъ экзотическихъ bibelots вывезла изъ Кабула нѣкоего Миръ-Мунчи-Мохамеда-хана, красиваго юношу, состоявшаго секретаремъ при эмирѣ. Подчеркнемъ, что она его не увезла, а вывезла съ милостиваго разрѣшенія эмира, который мечталъ черезъ нѣсколько лѣтъ получить обратно своего секретаря не только вкусившимъ, но и переварившимъ плоды британской цивилизаціи, отшлифованнымъ и искушеннымъ... Эмиръ имѣлъ на него виды, о которыхъ дальше. Миссъ Гамильтонъ, при помощи своего однофамильца (а, можетъ быть, и родственника), секретаря по индійскимъ дѣламъ,

¹⁾ Сэрѣмъ онъ сталъ послѣ того, какъ устроилъ въ Кабулѣ оружейный, пушечный, патронный и пороховой заводы, на которыхъ работаютъ теперь свыше 1.000 человекъ ежедневно.

лорда Джоржа Гамильтона, усердно муссировала юношу, вывозила его въ салоны и театры, на митинги и *at home's*, и красивый юноша въ живописномъ костюмѣ производилъ такое впечатлѣніе, что чуть ли не сдѣлался героемъ сезона въ Лондонѣ.

Лондонскій корреспондентъ «Новаго Времени» въ свое время констатировалъ этотъ фактъ, а какъ предсѣдатель ассоціаціи иностранной прессы въ Лондонѣ и человекъ, понимающій значеніе злобы дня, пригласилъ экзотическаго юношу въ качествѣ «гвоздя» на ежегодный обѣдъ ассоціаціи, въ маѣ 1898 г., если не ошибаюсь. На этомъ обѣдѣ съ секретаремъ эмира познакомился и я и, побесѣдовавъ съ нимъ, пришелъ, во-первыхъ, къ убѣжденію, что миссъ Гамильтонъ прекрасная преподавательница англійскаго языка, а, во-вторыхъ, что Миръ-Мунчи оправдываетъ надежды эмира и пойдетъ далеко.

Я не ошибся. Передо мною лежитъ книга, которая вызвала не только большую сенсацію въ Лондонѣ, но и полемику въ печати, и которая не можетъ не интересоваться насъ, русскихъ, ибо это—quasi-автобіографія нашего «добраго сосѣда» и бывшаго «самаркандскаго пансіонера», эмира Абдурахмана-хана. Какъ видно изъ заголовка и предисловія ея, первую часть книги эмиръ самъ написалъ, а вторую — продиктовалъ, и разрѣшилъ все это перевести на англійскій языкъ и въ назиданіе бриттамъ издать своему секретарю Миръ-Мунчи, который въ предисловіи скромно именуетъ себя «преуспѣвающимъ студентомъ Chrest College'a въ Кембриджскомъ университетѣ»...

Переводчикъ весьма благоразумно оговорился въ предисловіи, что эмиръ самъ писалъ лишь первую часть, которую можно назвать «поэтической», а вторую «политическую» — диктовалъ лишь,—благоразумно, потому что пишущій подъ диктовку можетъ ошибиться, а диктующій можетъ и не отвѣчать за ошибки перваго; но, къ сожалѣнію, «преуспѣвающій студентъ» не повѣдалъ намъ, кто редактировалъ и корректировалъ эту «политическую» часть автобіографіи эмира, кто ретушировалъ и по своему усмотрѣнію то затушевывалъ, то сгущалъ краски во многихъ пунктахъ «*profession de foi*» эмира. Что къ этой части сенсаціонной книги кто-то «руку приложилъ»,—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, какъ увидимъ дальше, но въ подлинности первой части можно и не сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе, и та и другая интересны безусловно, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Относительно первой приходится лишь пожалѣть, что неопытная рука переводчика лишила оригиналъ его прелести восточнаго стиля, хотя все же въ немъ чувствуется и сверхчеловѣческая гордость азіатскаго деспота и восточная поэзія и душа государя, проникнутая сознаниемъ его святой миссіи по отношенію къ подданнымъ, на которыхъ онъ смотритъ въ то же время, какъ на свою личную собственность.

Какъ и подобаетъ сверхчеловѣку Кабула, онъ начинаетъ автобіографію апологіей себя, ибо жизнь его—полная противоположность жизни всѣхъ прочихъ лѣнливыхъ и развратныхъ деспотовъ азіатскихъ...

Эмиръ работаетъ весь день, даже больной, не имѣя силъ подняться съ постели, при чемъ не страдаетъ отъ усталости, ибо «работа заставляетъ его испытывать такое удовольствіе, что усталости онъ даже не чувствуетъ». Эмиръ говоритъ: «Каждый человѣкъ имѣетъ свое собственное тщеславіе,—мое-же заключается въ томъ, что я хочу завершить для моего царства обезпеченіе добраго управленія, ибо, какъ говорятъ, «если возлюбленная не одобряетъ любовника, идя къ нему, никогда любовникъ не будетъ имѣть мужества приблизиться къ ней».

«Эта любовь къ труду во мнѣ отъ Бога. Это Богъ далъ мнѣ ее, чтобы я могъ блюсти благо человѣческаго стада, довѣреннаго моимъ заботамъ. Устами пророка своего Аллахъ говоритъ: «Когда Всемогущій хочетъ, чтобы что либо совершилось, — онъ готовится все, чтобы оно совершилось» (Коранъ), а такъ какъ Всемогущій пожелалъ охранить Афганистанъ отъ иноземныхъ нашествій и внутреннихъ волненій, онъ сдѣлалъ мнѣ, его скромному слугѣ, честь поставить меня на занимаемый мною тронъ и позволилъ мнѣ всего себя отдать идеѣ блага моего народа. Да будетъ благословенно имя Аллаха и его Пророка!

«Исторія моя — это исторія хорошо извѣстнаго на Востокѣ любовника, по имени Майнұна. Онъ такъ влюбленъ былъ въ молодую женщину, по имени Лейла, что однажды, увидя ея собаку, пошелъ за нею и прошелъ, не замѣтивъ ни мечети, ни молившихся въ ней. Когда муллы мечети потребовали отъ него отчета въ его поведеніи, онъ сказалъ, что не видѣлъ ни мечети, ни молящихся: такъ велика была его любовь къ собакѣ его возлюбленной, и добавилъ, что муллы не любятъ такъ Бога, какъ онъ собаку, ибо, молясь Ему, они увидѣли и его и собаку,—такая молитва стоитъ немногаго». Даже во снѣ эмиръ думаетъ лишь о благѣ народа своего. «Во всѣхъ сновидѣніяхъ моихъ я вижу печальное положеніе моего царства и думаю, какъ защитить эту несчастную серну, Афганистанъ,—жертву, которую подстерегаютъ съ одной стороны — левъ, а съ другой — ужасный медвѣдь,—оба готовые проглотить ее при первомъ удобномъ случаѣ ¹⁾. Всѣ придворные мои знаютъ, напримѣръ, что за-

¹⁾ Достъ-Магомедъ, дѣдъ нынѣшняго эмира Афганскаго, по словамъ послѣдняго (см. «The Ameer Abdur-Rahman», професс. С. Миллера), любилъ рассказывать дѣтямъ свою басню, въ которой эмиръ изображался лебедемъ, плавающимъ по озеру—Афганистану, на сѣверномъ берегу котораго сидитъ волкъ, а на южномъ тигръ. Лебеди безопасны только на середняхъ озера, но... оно высыхаетъ, а когда высохнетъ — волкъ и тигръ встрѣтятся, и произойдетъ великая борьба, послѣ которой отъ лебеди и перьевъ не останется. Очевидно, это—тоже притча, но версія и символизмъ Достъ-Магомета намъ кажутся потличнѣе.

долго до вопроса объ опредѣленіи границъ моего царства я видѣлъ сонъ, который потомъ обнародованъ былъ во всей странѣ. Я видѣлъ, что до моей смерти мнѣ удалось окружить Афганистанъ крѣпкой стѣной для его защиты. Сонъ этотъ надлежащимъ образомъ истолкованъ былъ моими астрологами. Онъ обозначалъ, что я долженъ опредѣлить границы Афганистана съ цѣлью положить конецъ предпримчивой политикѣ моихъ сосѣдей, которые изъ года въ годъ привыкли ползти впередъ, захватывая мои территоріи. Немало и другихъ моихъ сновидѣній, рассказанныхъ приближеннымъ моимъ, также сбывались. И вотъ границы царства моего опредѣлены, и я все еще живъ, къ великой досадѣ тѣхъ, которые такъ нетерпѣливы въ ихъ желаніи освободиться отъ меня, что еженедѣльно распускаютъ ложные слухи о моей смерти.

Любовь Абдурахмана къ народу своему не мѣшаетъ ему, однако, съ горечью и строго судить его.

«Очень часто, — говоритъ эмиръ, — я готовъ былъ потерять мужество, видя скверное поведеніе моихъ подданныхъ, упорствующихъ въ мятежахъ, ссорахъ, интригахъ другъ противъ друга, въ ложныхъ доносахъ. Я вынужденъ назначать слѣдствія для открытія истины, и это отнимаетъ у меня добрую половину моего драгоценнаго времени. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ я стараюсь идти впередъ по пути прогресса, мои подданные непрестанно влекутъ меня назадъ. Досада овладѣвала мною часто, и нерѣдко мнѣ приходило въ голову, что ни положеніе подданныхъ моихъ нельзя улучшить, ни интриги ихъ прекратить, что нѣтъ возможности поднять ихъ на ту высоту силы и характера, которая сравняла бы ихъ съ сосѣдями. И тогда я готовъ предоставить ихъ фатальной гибели и отдаться отдыху, отказавшись отъ этой безпокойной жизни и непрестанной борьбы, но вскорѣ я одумываюсь и сознаю, что это было бы малодушіемъ, отказомъ отъ исполненія предписаннаго мнѣ Всемогущимъ долга, ради котораго я созданъ. Я думаю, что любовникъ никогда не долженъ приходить въ отчаяніе отъ затрудненій, встрѣчаемыхъ на своемъ пути, что онъ долженъ во всѣхъ зловредныхъ дѣяніяхъ своей возлюбленной, во всѣхъ ея жестокостяхъ—видѣть безконечно пріятное занятіе, ибо затрудненія любовника суть прелести его любви»...

И Абдурахманъ не приходитъ въ отчаяніе, и работа такъ глубоко поглощаетъ его, что онъ едва находитъ время для посѣщенія гарема, «несмотря на живую радость, которую, конечно, испытываютъ тамъ при его посѣщеніяхъ». Прежде онъ хаживалъ туда по два раза въ недѣлю, но теперь онъ едва-едва два-три раза въ годъ бываетъ тамъ. Взамѣнъ этого эмиръ позволяетъ женамъ своимъ приходить къ нему въ апартаменты 10—12 разъ въ годъ, «но такіе ихъ визиты продолжаются не долѣе нѣсколькихъ часовъ», прибавляетъ эмиръ. Затѣмъ онъ описываетъ намъ употребленіе

своего времени, часъ за часомъ. Ложась спать не ранѣе пяти часовъ утра и почивая очень дурно, благодаря неустаннымъ заботамъ о благѣ своего царства, эмиръ подымается съ постели не ранѣе трехъ часовъ пополудни. «Прежде всего я принимаю моихъ докторовъ и хакимовъ, которые изслѣдываютъ меня и рѣшаютъ, нужно ли мнѣ какое нибудь лѣкарство». Послѣ докторовъ является портной, и эмиръ, выбравъ костюмъ, приступаетъ къ туалету, а затѣмъ къ завтраку, во время котораго принимаетъ доклады. Здѣсь эмиръ приводитъ длинный списокъ своихъ приближенныхъ отъ «хранителя печати» и «сердарей» до «мойвадуровъ» (фруктодары) и «аббардуровъ» (винодары), игроковъ въ шашки, чтецовъ и разсказчиковъ сказокъ...

Во время завтрака всѣ чины эти смотрятъ въ глаза эмиру и, какъ онъ думаетъ, «говорятъ въ сердцахъ своихъ»: «О! пусть онъ поторопится и допуститъ насъ приблизиться и доложить о работахъ нашихъ!»

— «Я не осуждаю въ нихъ это чувство, ибо каждый изъ нихъ нѣдаетъ дѣла высокой важности!»—прибавляетъ эмиръ, не дѣлая, очевидно, исключенія и для «хитмантовъ» (буфетчиковъ), «сакаббардуровъ» (носильщиковъ воды) и «шарибардуровъ» (разливающихъ чай)....

Когда эмиръ выходитъ изъ своего дворца, хотя бы для того, чтобы сдѣлать непродолжительную прогулку, его обязательно сопровождаетъ весь этотъ персоналъ верхами, на богато разукрашенныхъ лошадяхъ, и эмиръ, очевидно, чувствуетъ немалое удовольствіе, описывая, «какую блестящую и веселую на видъ картину представляетъ эта кавалькада». Съ наименьшими деталями и довольствомъ онъ описываетъ и тѣ мѣры предосторожности, которыя принимаются имъ постоянно для обезпеченія безопасности его жизни. Въ карманахъ каждаго его халата, редингота или пальто, какъ и въ карманахъ шароваръ и панталонъ, всегда имѣются заряженные револьверы; сабли и ружья день и ночь находятся у него подъ рукою, а въ специальныхъ мѣшкахъ, всегда прикрѣпленныхъ къ сѣдламъ, хранятся значительныя суммы денегъ въ золотѣ на случай, если ему внезапно понадобится спастись бѣгствомъ. Такимъ образомъ, эмиръ не обходитъ молчаніемъ ни малѣйшей детали своей ежедневной жизни, объясняя свои отношенія къ женамъ, дѣтямъ, женамъ своихъ сыновей, министрамъ, слугамъ и всѣмъ вообще поданнымъ.

«Каждый мой подданный»,—говоритъ между прочимъ эмиръ,—«можетъ принести мнѣ жалобу слѣдующимъ образомъ. Онъ приходитъ къ воротамъ моего дворца и заявляетъ, что хочетъ меня видѣть; его немедленно принимаютъ и приглашаютъ или лично приблизиться ко мнѣ, или письменно изложить, что ему нужно. Онъ ставитъ на конвертѣ: «можетъ быть вскрыто только эмиромъ».

И дѣйствительно, всѣ такого рода письма я вскрываю самъ и, если это необходимо, собственноручно отвѣчаю. Если, благодаря препятствіямъ, жалоба истца не достигнетъ рукъ моихъ, я строго наказываю моихъ шпионовъ и полицейскихъ, какъ тайныхъ, такъ и явныхъ. Въ Афганистанѣ всѣ увѣрены, что въ каждомъ домѣ имѣется мой шпионъ, но... я думаю, что это нѣсколько преувеличено»....

Что касается его приближенныхъ, эмиръ считаетъ своими «личными друзьями» тѣхъ изъ нихъ, которые служатъ ему «искренно и честно», но къ «лживымъ и лицемернымъ» онъ «очень строгъ и тяжелъ» и по этому поводу всегда вспоминаетъ стихъ поэта Саади: «хорошо обращаться съ нарушителями мира значитъ быть врагомъ друзей мира»...

Несомнѣнно важными персонажами въ числѣ приближенныхъ эмира являются «чтецъ» и «разсказчикъ сказокъ».

«Когда я ложусь спать»,—говоритъ эмиръ,—«я не могу заснуть тотчасъ же. Чтецъ мой, сидя у моего изголовья, читаетъ мнѣ какую нибудь книгу, напримѣръ, исторію какого нибудь народа, географическое изслѣдованіе, жизнеописаніе великихъ государей или полководцевъ. Я слушаю чтеніе, пока дремота не смежитъ очей моихъ, и тогда разсказчикъ сказокъ занимаетъ мѣсто чтеца и разсказываетъ ихъ вплоть до моего пробужденія: непрерывное и монотонное его бормотаніе успокоиваетъ усталые мои нервы и мозгъ».

Къ первой части «Автобіографіи» относится и глава, въ которой эмиръ описываетъ свое пребываніе въ Самаркандѣ, но тѣ англичане, которые надѣялись найти здѣсь разоблаченія русской «тайной» политики,—разочаровались. Собственно говоря, эмиръ не разсказываетъ здѣсь ничего новаго, хотя *n'en déplaise aux anglais*, онъ «съ искренней благодарностью къ русскимъ» вспоминаетъ это время. Впрочемъ, эмиръ и не могъ бы дать англичанамъ ожидаемыя ими разоблаченія, ибо, во-первыхъ, не могъ пользоваться интимностью К. П. Кауфмана, а, во-вторыхъ, «все время проводилъ въ охотѣ и стрѣльбѣ» и, кромѣ того, онъ «имѣлъ слишкомъ мало денегъ, ибо издержки наши были велики, а субсидія русскаго правительства—мала... но, такъ какъ я не имѣлъ на нее никакого права, я былъ болѣе чѣмъ благодаренъ и за эту малую сумму»... Не разоблачая «тайны» русской политики, эмиръ могъ бы, однако, повѣдать нѣсколько детальнѣе, при какихъ именно условіяхъ русскіе помогли ему взойти на кабульскій тронъ, но онъ сообщаетъ лишь, что во время англо-афганской войны, «послѣ долгихъ разговоровъ съ генераломъ Кауфманомъ, онъ получилъ разрѣшеніе отъ русскаго правительства отправиться въ свою страну». Впрочемъ, онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что, «конечно, русскіе ожидали отъ меня поддержки ихъ интересовъ, въ случаѣ моего успѣха»...

При помощи русскихъ, исключительно, онъ добился этого успѣха, но... общанія свои эмиръ забылъ, увлекся флиртомъ съ Англіей и устройствомъ своего государства, вскорѣ разочаровавшись и въ той и въ другомъ...

Это, однако, относится уже ко второй части, въ которой, какъ мы говорили, былъ съ небылицей, правда съ ложью и мечты и планы самого эмира съ таковыми же британскихъ чиновниковъ перемѣшаны такъ ловко, что нельзя разобрать, гдѣ собственно кончается эмиръ, и начинается... докторъ Робертсонъ, сэръ Сольтеръ Пайнъ или самъ Керзонъ.

Весьма возможно, что редактировалъ эту quasi-«автобіографію» кто нибудь и въ Лондонѣ, но во всякомъ случаѣ редакторъ ея принадлежитъ къ школѣ Керзона, ибо *soi-disant* эмиръ осуждаетъ здѣсь всѣ системы индійской политики, системы Литтона, Рипона, Дюфферина и Эльджина, кромѣ настоящей системы Керзона, которой поются диѳирамбы.

Больше всего, однако, диѳирамбовъ авторъ поетъ самому себѣ (если авторомъ былъ эмиръ).

Явившись въ Афганистанъ, онъ нашелъ тамъ истинный хаосъ, и «первое, что я сдѣлалъ»,—говоритъ онъ, — «это снести головы безчисленнымъ грабителямъ, убійцамъ, ложнымъ пророкамъ и фальшивымъ претендентамъ. Я долженъ сознаться, что задача была не легкая, и мнѣ пришлось 15 лѣтъ вести борьбу, прежде чѣмъ враги мои были подчинены, отправлены въ ссылку или на тотъ свѣтъ» ¹⁾.

Въ результатъ этихъ рѣшительныхъ мѣръ эмиръ «съ гордостью» констатируетъ, что «въ короткое время подъ его властью народъ афганскій совершилъ такой прогрессъ въ цивилизаціи, что богатѣйшіе люди могутъ безопасно путешествовать по владѣніямъ эмира даже ночью, тогда какъ, съ другой стороны, на границахъ Афганистана, находящихся подъ контролемъ Англіи, никто не можетъ ступить шагу безъ сильной охраны».

Почему это такъ, эмиръ объясняетъ тутъ же.

«Близорукіе англійскіе администраторы, одержимые маніей «передовой политики», присоединили къ индійскимъ владѣніямъ нѣсколько афганскихъ племенъ, называя ихъ независимыми и нейтральными, и, захвативъ безплодные ихъ территоріи, обременили индійскую казну непосильными издержками по содержанію арміи» и т. д. Съ этими «хвастунами и всезнающими миссіонерами передовой политики» эмиру было бы плохо, но, къ счастью «для британской націи» (!), «ея государственные люди и народъ лучше освѣдомлены и дѣйствительно заботятся о томъ, чтобы Афгани-

¹⁾ Отправившимися на тотъ свѣтъ «фальшивыми претендентами» были братья, дяди и племянники эмира.

станъ былъ сильнымъ и независимымъ государствомъ, настоящимъ союзникомъ и оградой для охраненія Индійской имперіи ихъ благородной королевы»...

Рѣшивъ, очевидно, что капля дегтю не испортигъ бочки меду, «преуспѣвающій» Миръ-Мунчи и его соредакторы умѣло размѣстили во второй части «автобіографіи» нѣкоторыя болѣе или менѣе ядовитыя замѣчанія эмира по адресу англо-индійской администраціи. Впрочемъ, одно изъ этихъ замѣчаній оказалось очень горькимъ...

Въ главѣ, посвященной главнымъ образомъ событію 18-го (30-го) марта, извѣстному у насъ подъ именемъ «боя на Кушкѣ» или «кушкинскаго урока», эмиръ говоритъ, что «до этой минуты офицеры и чины англійской разграничительной комиссіи увѣрили моихъ офицеровъ, что Россія не посмѣетъ атаковать мою армію, пока она не тронется отъ Пянджа», но... 30-го марта русская бригада атаковала афганскія силы, и англійскіе офицеры при этомъ извѣстіи бѣжали съ своимъ отрядомъ въ Гератъ»...

Мало того, что эмиръ повторяетъ далѣе, что «обѣщавшіе помощь афганцамъ англичане отказались дать эту помощь», онъ весьма прозрачно и зло намекаетъ, что струсившіе капитанъ Ятсъ и К^с въ бѣгствѣ своемъ растеряли свой багажъ, муловъ и погонщиковъ...

На это «оскорбленіе чести британской арміи» въ «Times»'ѣ пространно, но неубѣдительно отвѣтили сперва сэръ Питеръ Ламсденъ, бывшій въ моментъ «кушкинскаго урока» британскимъ комиссаромъ по разграниченію, а потомъ нѣкто «бывшій въ тѣсной связи (?) съ Афганистаномъ въ теченіе многихъ лѣтъ службы, путешествій и изученія и много времени удѣлившій изученію восточной литературы».

Первый изъ нихъ, придираясь къ фразѣ въ предисловіи, гласящей, что «книга эта покажется европейцу главою изъ «Тысячи и одной ночи», утверждаетъ, что именно сказкой, а не исторіей является это обвиненіе эмира, а второй требуетъ, «чтобы была ясно опредѣлена будущая историческая цѣнность автобіографіи». Сэръ Питеръ Ламсденъ и господинъ, «бывшій въ тѣсной связи съ Афганистаномъ», утверждаютъ, что они ничего афганцамъ не обѣщали, а все время занимались разоблаченіемъ и борьбой съ интригами русскихъ, которые убѣждали сараксовъ принять русское подданство, тогда какъ послѣдніе хотѣли быть «британскими» подданными... «Разоблачители русскихъ интригъ» и не могли оказать помощи афганцамъ и не обѣщали ея, ибо ихъ была горсть (400 человекъ); что же касается ближайшихъ послѣдствій «урока» 30-го марта, то англичане не бѣжали, а отступили къ Марушаку вслѣдъ за афганцами, если же и растеряли багажъ, муловъ и погонщиковъ, то благодаря не бѣгству безпорядочному, а бурѣ и дождю съ градомъ...

Дѣло въ томъ лишь, что «афганцы слишкомъ близко къ сердцу приняли ихъ пораженіе», а виноватъ въ немъ «эмиръ, обманувшій англичанъ, сказавъ, что послалъ сильный отрядъ на границу, и что въ Гератѣ стоитъ еще болѣе сильный резервъ...

Очевидно, обѣ стороны другъ друга обманули...

Горько жалуется эмиръ и на другое обстоятельство, которое теперь онъ, очевидно, надѣется исправить, благодаря тѣмъ «государственнымъ людямъ, которые лучше освѣдомлены», и т. д.

Послѣ fiasco, которое въ 1895 году потерпѣла въ Лондонѣ миссія Насрулла-хана, второго сына эмира, желавшаго имѣть при Сентъ-Джемскомъ дворѣ постоянного посла афганскаго, эмиръ рѣшилъ сперва подготовить къ тому общественное мнѣніе въ Англіи, — какими путями и средствами, онъ не говоритъ, но къ послѣднимъ несомнѣнно надо отнести настоящую композицію Миръ-Мунчи.

Въ ожиданіи, когда британское правительство согласится аккредитовать афганскаго посланника, эмиръ въ своей apologia pro vita sua очень ловко самъ защищаетъ свою политику, которая давно принесла бы блестящіе результаты, если бы не непостоянство политики британской.

Въ самомъ дѣлѣ, г.г. вице-короли практиковали сначала «политику невмѣшательства», которая привела къ Хайберскому инциденту; потомъ культивировали «политику пассивную», разрѣшившуюся англо-афганской войной; затѣмъ, при лордѣ Литтонѣ, пытались раздѣлить Афганистанъ на нѣсколько мелкихъ государствъ, но, наконецъ, съ лордомъ Керзономъ воцарилась политика, одобренная и британскимъ и афганскимъ народами, политика «сохраненія Афганистана въ качествѣ независимаго государства и сильного буфера для безопасности Индійской имперіи».

Вообще, въ главахъ «Англо-афганскія отношенія» и «Англія, Россія и Афганистанъ», эмиръ очень умѣло печется о безопасности Индіи и даетъ понять англичанамъ, насколько онъ сознаетъ все значеніе его страны для этой безопасности.

Да, эмиръ доволенъ Керзономъ и его политикой, но этого ему мало: онъ требуетъ присоединенія къ Афганистану территорій всѣхъ независимыхъ племенъ Патана и ни болѣе, ни менѣе, какъ «образованія тройственнаго союза съ двумя сосѣдними мусульманскими государствами—Персіей и Турціей».

А затѣмъ? Затѣмъ Афганистанъ долженъ стать морской державой... Да, Афганистанъ долженъ получить доступъ къ океану и имѣть свои собственные корабли...

Хорошо еще, что эмиръ прибавляетъ, что «время еще не настало для этого, и этотъ пунктъ нужно лишь имѣть въ виду», относительно же тройственнаго магометанскаго союза его свѣтлость полагаетъ, что реализовать проектъ этотъ необходимо немедленно.

Приведемъ по возможности его любопытные аргументы въ пользу этого проекта.

«Афганистанъ не настолько силенъ, чтобы оставаться изолированнымъ, и принужденъ для своей безопасности примкнуть къ одному изъ двухъ его сильныхъ сосѣдей, дабы предотвратить вторженіе другого. Эта поддержка одного изъ сильныхъ сосѣдей противъ другого необходима, ибо иначе такое маленькое государство, какъ Афганистанъ, подобный лани между двухъ львовъ или пшеничному зерну между каменныхъ жернововъ, будетъ стертъ въ прахъ. Афганистанъ совершенно свободенъ въ выборѣ сосѣда и окажетъ дружбу тому, кому захочетъ. Въ настоящее время, несомнѣнно, въ его интересахъ и выгодахъ избрать другомъ Англію, во-первыхъ, потому, что она не претендуетъ на Персію и Турцію, въ предѣлы которыхъ она могла бы искать пути черезъ Афганистанъ, тогда какъ Россія собирается совершить нашествіе на Индію, для чего она должна пройти черезъ мою страну, а для обезпеченія тыла своего—совершенно овладѣть Афганистаномъ, если у нея на это хватитъ силъ... Во-вторыхъ, Англія великая морская держава и не желаетъ воевать съ Россіей на сушѣ, пока не будетъ къ тому принуждена, а потому въ интересахъ и выгодахъ Англіи, чтобы Афганистанъ былъ государствомъ, играющимъ роль сильнаго буфера и преграды на пути Россіи. Наоборотъ, Россія, желающая войны съ Англіей на сушѣ, добивается того, чтобы Афганистанъ оказалъ ей поддержку при ея нашествіи на Индію, или чтобы Афганистанъ, какъ государство, былъ уничтоженъ. Въ-третьихъ, у Англіи есть деньги и оружіе, но нѣтъ солдатъ, годныхъ для войны, Афганистанъ же бѣденъ первымъ и богатъ воинами, которые могли бы служить Англіи за ея деньги и оружіе. Въ противоположность Англіи, Россія не можетъ дать намъ денегъ, ибо у нея не хватаетъ ихъ и на собственные нужды, и въ то же время она не нуждается въ моихъ воинахъ, ибо людей у нея больше, чѣмъ она можетъ содержать въ порядкѣ... Если въ англо-индійской политикѣ произойдетъ перемѣна, и Англія вознамѣрится присоединить Афганистанъ, или вообще нарушить его независимость, то афганскій народъ вынужденъ будетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свободу и въ крайнемъ случаѣ, конечно, перейдетъ на сторону Россіи, ибо она болѣе тѣсно примыкаетъ къ границамъ нашимъ, чѣмъ Англія. Въ концѣ концовъ, по отношенію къ могущественнымъ сосѣдямъ своимъ Афганистанъ долженъ быть друженъ съ тѣмъ, кто менѣе ему враждебенъ, и враждебенъ къ тому, кто собирается нарушить его независимость или пройти черезъ его территорію. Такъ или иначе мы не должны раздражать никого изъ сосѣдей нашихъ, не позволяя въ то же время никому изъ нихъ вступать въ нашу страну ни подъ какимъ предлогомъ, какия бы обѣщанія и обязательства они ни давали».

Все это очень элементарно и откровенно, и мы охотно вѣримъ, что эмиру Россія не нужна до тѣхъ поръ, пока хороши его отношенія съ Англіей, и пригодится Россія, даже и безъ денегъ, когда Англія вздумаетъ наложить свою руку на Афганистанъ. Но можно ли приписать эмиру, магометанину-фанатику, не разъ подымавшему зеленое знамя и претендовавшему на званіе второго калифа, прекрасно знающему истинныя причины великаго индійскаго возстанія и вѣротерпимость русскихъ, слѣдующія соображенія: «англійская политика, хотя и является предметомъ случайныхъ вѣяній и переменъ, въ общемъ благопріятна для государствъ, исповѣдывающихъ исламъ, тогда какъ политика Россіи, постоянная, сильная и упорная, всегда была направлена къ тому, чтобы мѣшать имъ развиваться и стать сильными. Отсюда нѣтъ никакого сомнѣнія, что магометане всего свѣта предпочтутъ британскую дружбу русской, ибо понимаютъ, что на британской дружбѣ покоится ихъ миръ»...

Нѣтъ, эта ложь эмиру не принадлежитъ, и мы видимъ здѣсь ту руку, которая приготовила кровавую рѣзню въ Ферганѣ, которая, весьма вѣроятно, постарается распространить эту *soi-disant* «автобіографію» эмира или знаменательныя изъ нея выдержки въ Персіи, Турціи и нашей центральной Азіи.

Книга «преусиѣвающего» Миръ-Мунчи не «Тысяча и одна ночь», а тысяча первая англійская мина, подводимая подъ нашъ Туркестанъ, гдѣ на зло Англіи царитъ миръ и благоденствіе.

«Times», знакомя читателей своихъ съ этой книгой, по поводу послѣдняго курсива замѣчаетъ: «свидѣтельство столь компетентнаго авторитета по этому вопросу—достойно замѣчанія»...

Мы, по этому поводу и въ назиданія «Times»'а, позволимъ себѣ привести мнѣніе авторитетнѣйшаго въ Англіи руссофоба, сэра Раулинсона, труды котораго являются евангеліемъ для всѣхъ англичанъ, заинтересованныхъ въ Средней Азіи.

По поводу поѣздки въ 1884 году для изслѣдованія мѣстности между рѣками Мургабомъ и Герирудомъ бывшаго нашего политическаго агента въ Бухарѣ, а нынѣ старшаго совѣтника нашего посольства въ Лондонѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. М. Лесара, сэръ Раулинсонъ въ засѣданіи королевскаго географическаго общества выразился, между прочимъ, такъ: «Россія совершаетъ великое дѣло,—никто не станетъ отрицать, что успѣхи русскаго оружія на Востокѣ отъ Каспія въ послѣднее время принесли громадную пользу краю. Дѣйствительно, замѣна въ значительной части Азіи туземной власти русскою есть благо несомнѣнное. Отвратительный торгъ невольниковъ уничтоженъ, разбои прекращены, магометанскій фанатизмъ ослабленъ и сдержанъ, торговля стала безопасною, искусства и промышленность поощря-

ются, и на нужды населенія обращается вниманіе. Поэтому я признаю прекрасную роль, которую Россія до сихъ поръ играла, и которую ей суждено играть и въ будущемъ въ дѣлѣ цивилизаціи Азіи».

Говорить ли что либо подобное сэръ Раулинсонъ о роли Англіи, противъ которой изъ года въ годъ неустанно возстаютъ вазирысы, суаты, афридисы, оракзаи и всѣ прочія племена, имена которыхъ Ты, Господи, вѣси.

Л. А. Богдановичъ.

